

ВВЕДЕНИЕ

Руины города Двина, одного из центров экономической и политической жизни Средневековой Армении, находятся в Арташатском районе Армянской ССР.

В свое время город был окружен мощными стенами, имел укрепленную цитадель и занимал обширную территорию. Теперь же на городских развалинах расположилось несколько сел со своими угодьями и только две незастроенные возвышенности—цитадель и центральный квартал остались доступными для археологического исследования. Раскопки показали, что центральный холм, основное ядро города, был заселен еще в III тыс. до н. э., а первое поселение городского типа возникло здесь в IV в. н. э.

В середине V в. Двин был средоточием экономической и культурной жизни страны. После раздела Армении между Ираном и Византией (429 г.) город становится административным центром и столицей шахского наместника марзпана Армении. Двин как торговый центр и важный транзитный пункт в V—VI вв. вовлекается в международную торговлю. На его рынке вместе с армянами вели торговлю купцы разных национальностей: греки, сирийцы, персы, евреи, грузины и многие другие. К этому времени Двин уже стал многолюдным городом, с многонациональным населением.

Наиболее ранними образцами денег в Двине была сасанидская монета—серебряная драхма, которая так же как и в Иране стала основной платежной денежной единицей. В Двине был найден клад сасанидских монет V—VII вв. со штампами более тридцати разных городов. Наряду с сасанидскими драхмами имели обращение и византийские золотые динары.

Армянские товары приобретают известность далеко за пределами страны и среди них драгоценные камни, растительные краски и другие природные богатства Армении. Торговали двинцы и товарами своих ремесленников. Шелковые и шерстяные ткани двинского производства нередко упоминаются в литературных источниках. В это же время оформляется и архитектурный облик города. Холм, первоначальное ядро Двина, застраивается дворцами, административными зданиями и домами знатных горожан. Его обносят двумя рядами крепостных стен и превращают в укрепленную цитадель. На другом, меньшем холме, строится кафедральный собор, малые церкви и дворцы. В дальнейшем город расширяется вокруг цитадели, вбирая в себя соседние села и поля плодородной Араратской равнины. Позднее и эта часть города обносится мощными стенами с четырьмя воротами, соответствующими направлениям торговых путей.

Середина VII в. вошла в историю Передней Азии, как время завоевания арабского халифата. Покорив Сирию и Месопотамию, положив конец Сасанидам в Иране, арабы в 640 г. достигли Армении. В 641 г. после недолгого, но упорного сопротивления они взяли Двин, разрушили его и, забрав богатую добычу, вернулись в Сирию. В 654 г. Двин был вторично и окончательно захвачен арабами. Согласно арабским источникам, арабы, желая установить дружеские отношения с двинцами, в специальной грамоте обещали всем жителям города независимо от их национальной и религиозной принадлежности, безопасность личности, сохранение имущества, неприкосновенность церквей, храмов и городских укреплений, требуя от них уплаты арабам подушно-

го и поземельного налога. Для закрепления власти в Двине обосновался арабский наместник—востикан со своим гарнизоном.

В начале VIII в. была создана область «Армения», куда входили Грузия, Албания и Северная Армения. Столицей этой области становится Двин.

Во время ожесточенной борьбы уже мощного арабского халифата с Византией, Армения была военно-стратегическим форпостом халифата, вследствие чего непосредственные торговые связи Армении с Византией стали почти невозможными. Этой же политической обстановкой нарушаются и прежние торговые отношения Дальнего и Среднего Востока с бассейном Средиземноморья. Постепенно уменьшается и сходит на нет значение «шелкового пути» через Иран и Византию и увеличивается роль южных путей, через южную Аравию и Персидский залив. Арабы были заинтересованы в широкой торговле с Дальним Востоком и поэтому «пути ароматов» вдоль арабского полуострова были им удобнее и выгоднее беспокойного «шелкового пути».

После окончательного утверждения монетной системы халифата в Двине, так же как на Переднем Востоке, появляются монеты нового мусульманского типа: динары, дирхемы и фельсы. В самом Двине основывается монетный двор, просуществовавший до 941—942 гг. Монетные находки показывают, что в период арабского владычества основной монетой в Двине был серебряный дирхем. Золотые динары в Двине не известны. Тяжелое экономическое положение, создавшееся в Армении в связи с новой политикой халифата, привело к обострению отношений с местным населением. В результате по всей Армении начали вспыхивать восстания и образовываться независимые княжества различных ориентаций. Самое крупное из них возглавлял древний нахарарский род Багратуни, которому удается в короткий срок забрать в свои руки всю центральную Армению, получив сперва титул «князя-князей» и право сбора налогов. В 885 г. Ашот Багратуни становится царем Армении. В начале X в. Багратуни местом постоянного пребывания делают свое родовое поместье—Ширакскую область и переносят столицу из Двина в Ани. На севере

области «Армения» усиливается город Партав, который становится фактически второй столицей. Наместнику этого города халиф поручает контроль над армянским населением области.

Трагической датой в истории Двина был 893—94 год, когда сильное землетрясение разрушило город. Раскопки показали, что некоторые его кварталы после землетрясения так и не восстанавливались. Однако город продолжал жить полной жизнью и оставался яблоком раздора между арабскими наместниками и византийскими императорами. На Двин стали претендовать и азербайджанские эмиры, армянские и грузинские цари.

Арабские историки и географы сообщают очень ценные сведения об экономике, социальной и торгово-ремесленной жизни населения Двина. В связи с развивающейся торговлей с севером в Грузии и Албании возникают новые торговые и ремесленные центры: Тифлис, Гандзак, Казах. Однако, потеряв свою политическо-административную роль, Двин все еще остается узловым городом ремесла. Не теряет Двин свое значение и в транзитной торговле, о чем свидетельствуют армянские и арабские дорожники, где отмечены следующие торговые пути: 1) из Двина на юг, в Куфу, Басру, к Персидскому заливу и в Индию; 2) из Двина в Мосул, Дамаск, Иерусалим и Египет; 3) из Двина в Ани, Карин, Трапезунд, Малую Азию, Константинополь и в Рим; 4) из Двина в Партав, Шамаху, Дербенд, к Каспийскому морю и к Хазарам; 5) из Двина, через Ани, в Тифлис и к Черному морю.

Вследствие того обстоятельства, что в исторической литературе XII—XIII вв. очень редки упоминания о Двине как центре политических событий, в армянской историографии сформировалось и долго существовало неверное представление, что в связи с расширением торговли с севером и перемещением торговых путей на северо-восток Армении и переносом столицы в Ани, Двин теряет свое значение в международной торговле и в XII—XIII вв. перестает вообще существовать.

Однако, как показывают результаты археологических работ, несмотря на превратности политической судьбы, экономическое

значение Двина еще долго после потерн центральной роли в политической жизни оставалось стабильным.

Двин, утратив свое политическое значение, продолжает существовать и в XII—XIII вв. как крупный торгово-ремесленный центр. Многократные войны и завоевания не сломили его экономическое значение.

В XI—XII вв. наряду с торговлей в городе развиваются и процветают различные ремесла и только с конца XIII в. в результате исторической неблагоприятной обстановки, созданной по всему Переднему Востоку, городская жизнь Двина постепенно затухает. Изучение монетных находок на территории города дает следующую картину денежных обращений в Двине.

Так, в X—XI вв. главное направление торговых связей переключается на Византию и Север. Тогда в обращении была византийская золотая монета, но вместе с тем очень широко была распространена и разменная медная византийская монета.

Находки большого количества нльдегидских монет указывают на оживленную торговлю Двина в XII—XIII вв. с Азербайджаном, Ираном, Ираком. В конце XII—начале XIII вв. намечается значительный прилив в Двин грузинских монет. Начинают проникать и дирхемы малоазиатских сельджуков, чеканенные в Кейсариин, Конии, Сиваше. Монетные данные указывают на одно очень любопытное обстоятельство, а именно, что в начале XIII в. Двин был вовлечен в еще более широкую сферу торговли, чем в XII веке.

Раскопки дают большой вещественный материал для изучения торговых связей города. В Двине найдены предметы, привезенные из знаменитых в то время промышленных центров Передней Азии и Дальнего Востока, китайские селадоны, керамика и стекло из Самарры, Нишапура, Рея, Ракки, Дамаска, Алеппо и многих других.

* * *

Систематические археологические раскопки на территории Двина начаты в 1937 г., в 1946 г. вновь возобновлены после перерыва в годы Великой Отечественной войны и успеш-

но продолжают до сих пор (руководитель работ проф. К. Г. Кафадарян).

Долголетние работы дали возможность установить границы города и показать разные периоды его жизни, многогранность и высокое развитие ремесленной жизни города, высокое искусство строительной техники. Раскопками открыты целые кварталы города, остатки кафедрального собора, нескольких церквей, дворец католикоса, дворец марзпанов, дома богатых горожан, каравансарай. Выяснилось, что город имел сложную сеть водоснабжения, своп бани. Двинцы успешно занимались самыми различными ремеслами. Они были искусными кузнецами, знали художественное литье, чеканку металла. Им были известны различные отрасли ткацкого искусства, тонкости ювелирного ремесла. Высокого мастерства достигло в Двине гончарное дело, что видно по великолепным образцам глиняной и фаянсовой посуды. Раскопки в Двине обнаружили остатки мастерских: гончарной, ювелирной, ткацкой и кузницы.

Значительное развитие получило и стеклоделле. Раскопки дали большую и редкую по своим образцам коллекцию стеклянных предметов IX—XIII вв., имеющую значительную историческую ценность своей многочисленностью, разнообразием форм, во многом расширяя наши представления о стеклоделии Закавказья и Переднего Востока IX—XIII вв. Она по праву считается одной из самых больших среди средневековых коллекций стекла, найденных при раскопках в городах Переднего Востока и Закавказья. Коллекция содержит большой ассортимент изделий различных форм, качества, цвета, узора и техники изготовления. В ней имеется различная стеклянная посуда: бытовая и техническая, чаши, стаканы, кубки, вазы, флаконы, кувшины, светильники, подсвечники, химическая посуда и оконное стекло. Из цветного стекла изготавливались также женские украшения: браслеты, бусы, кольца. До нас дошли и остатки разноцветной мозаики, украшавшей, в частности, кафедральный собор города.

* * *

Стеклянные изделия на территории Армении известны с древнейших времен. Бусы из

стекла и стекловидной массы встречаются в могильниках начала I тыс. до и. э. В крепостях урартского времени (VIII—VII в. до н. э.) уже встречаются сосуды из глухого стекла и бусы из прозрачного и цветного стекла. Античное время характеризуется широким распространением стеклянных сосудов, которые благодаря существующим тогда обычаям захоронения с покойником различных предметов сохранились в Армении в большом количестве. О стеклоделии в Армении имеются сведения также и в письменных источниках. Первое упоминание о нем мы встречаем у историка IV в. Агафангела в связи с описанием жития св. Рипсимэ. Агафангел пишет, что в конце III в. римлянки Рипсимэ, Гаянэ и их подруги, спасаясь бегством от преследования Диоклетиана за принятие ими христианской веры, нашли убежище в Армении, под стенами Вагаршапата, в хижине, в районе садов. Для того чтобы прокормиться, они занялись стеклоделием, изготавливали стеклянные бусы и продавали их на рынке.

Эту же историю пересказывает историк X века Ухтанес, но он местом убежища Рипсимэ и ее подруг называет не Вагаршапат, а окрестности Двина. При сопоставлении двух приведенных версий одного и того же рассказа мы можем отметить два важных момента.

Свидетельство Агафангела, почти современника событий, говорит о том, что в III—IV вв. под Вагаршапатом были стеклоделательные мастерские, с которыми он и связал Рипсимэ и ее подруг, изготавливавших стеклянные бусы.

Свидетельство Ухтанеса, на первый взгляд, можно рассмотреть как прямой пересказ текста Агафангела. Однако в этих нескольких строках имеется для нас существенное отличие, Агафангел местом убежища называет Вагаршапат, т. е. город, который в его время был крупным административно-экономическим центром страны. Ухтанес же, при котором Вагаршапат уже не играл никакой экономической роли, действие рассказа переносит в Двин, ставший к этому времени большим торгово-ремесленным центром, и, как мы увидим дальше, центром развитого стеклоделия. Понятно, что рассказ об изготовлении стеклянных изделий историк X в. связывал уже именно с этим городом.

Таким образом, основываясь на двух приведенных свидетельствах, мы можем говорить о двух одновременных местах стекольного производства в Армении—о Вагаршапате III—IV вв. и Двине X в.

Имеющийся археологический материал также подтверждает сведения обоих историков: из раскопок могильника римского времени около Вагаршапата происходит большое количество небольших стеклянных сосудов античных форм.

В приведенных рассказах, в особенности Агафангела, отражается и одно очень интересное обстоятельство, связанное с развитием стеклоделия вообще. Уже давно исследователями замечено, что в истории распространения стеклоделия важную роль играли переселения ремесленников-стеклоделов из одной страны в другую, они на новых местах налаживали свое производство, следуя уже привычным традициям, часто пользуясь даже привезенным ими сырьем. Это переселение стеклоделов было характерно не только на начальной стадии его развития, но и позднее, в средние века.

Изучение стеклянных изделий из раскопок Двина дает возможность не только определить образцы местного двинского стеклоделия, но и проследить путь его развития. На основании типологического и стилистического анализа стеклянных изделий удастся выявить определенные этапы его развития и определить хронологические границы разных их групп. Выделение привозных изделий позволяет также проследить торговые связи.

Изучению стекла из Двина посвящен ряд работ, как специальных, так и общих сводных, а иногда публикующих лишь отдельные предметы.

Одной из первых специальных работ по этой теме была статья Б. А. Шелковникова «Керамика и стекло из раскопок города Двина», напечатанная в «Трудах» Государственного Исторического музея Армянской ССР (№ 4, 1952).

Основной книгой о раскопках Двина является монография К. Г. Кафадаряна «Город Двин и его раскопки». Книга руководителя раскопок написана на армянском языке и содержит подробный отчет раскопок за 1937—1950 гг., в котором имеется небольшой раздел,

посвященный стеклянным предметам. Материалы по средневековому стеклоделанию содержатся и в двухтомной монографии Б. Н. Аракеляна «Города и ремесла в Армении в IX—XIII вв.» (Ереван, 1958). Публикация некоторых археологических материалов Двина имеется также в работе А. А. Калантаряна «Материальная культура Двина IV—VIII вв.»

Стеклянным изделиям из раскопок в Двине посвящен ряд статей автора этих строк. Кроме общей, краткой характеристики материала, опубликованы некоторые группы изделий, как, например: алхимическая посуда, образцы резного стекла, а также отдельные предметы, в частности, византийский сосуд с изображением скрипача.

Стекло двинских сосудов в основной своей массе высококачественное, прозрачное, хорошей варки. Химическая устойчивость стекла очень высокая (лишь незначительный процент сосудов со временем покрылся патиной и подвергся кристаллизации и иризации).

Для изучения химического состава стекла из Двина были подвергнуты анализу 78 образцов, из них три браслета, четыре мозаичных кубика, остальная посуда.

Стекла были исследованы спектрально качественно с приблизительным определением содержания элементов в пробе (60 образцов) и полуквашично (17 образцов). Анализы сделаны в лаборатории археологической технологии при Ленинградском отделении Института археологии АН СССР Д. В. Наумовым и обработаны Ю. А. Щаповой. Полный химический анализ сделан лишь для одного образца (М. А. Безбородов).

В результате исследования Ю. А. Щаповой выявлен ряд особенностей состава двинских стекол. В изученных 17 образцах полуквашичного анализа выступают шесть стеклообразующих элементов: Na, K, Ca, Mg, S, Al. Содержание щелочей в стекломассе колеблется от 11,2% до 27%. Большая часть стекол содержит щелочей в пределах 18—21%. В щелочном сырье соотношение калия и натрия дает следующую картину—около четверти изученных стекол, наиболее поздних (15 из 17), изготовлено с применением природной соды, остальные—на растительной золе. Почти во всех стеклах, хоть и в разных процентных соотношениях, имеется алюминий.

Часть стекол, датируемых IX—X вв., обесцвечена окисью марганца, в составе же стекол XII—XIII вв. марганец не содержится.

Стекла, исследованные спектрально-качественно, разделились на шесть основных групп, которые не отличаются какими-либо локальными особенностями и имеют широкие переднеазиатские аналогии.

Один из основных вариантов состава стекла Na, K, Ca, Mg, S, Al существует традиционно как в IX—X вв., так и в XII—XIII вв. и дает большой процент изделия как местного происхождения, так и импорта.

Подробное изучение результатов анализов по составу стекла привело Ю. Л. Щапову к выводу, что прямая линия развития стеклоделия Двина берет свое начало от средне-восточного (Иран, Ирак) источника; она на месте развивалась и размножалась по многочисленным вариантам. Как мы увидим, этот вывод находит свое подтверждение также в результате стилистического анализа.

Цветовая гамма стеклянных изделий многообразна, причем наиболее часты сосуды зеленого цвета разной интенсивности и оттенка, от темного, почти черного, до светло-зеленого.

Многочисленна также группа изделий из почти бесцветного стекла.

Исследованный материал дает возможность установить следующее процентное соотношение стекла по цвету: зеленое—39%, бесцветное—36%, желтое—13%, синее—6%, черное—4%, марганцево-красное—2%.

Зеленый цвет стекла имеет различную интенсивность—от слабого до глубокого темного, причем имеются и различные оттенки: желтоватый, голубой. Все это не является случайностью, а результатом определенного рецепта, предусматривающего наличие в шихте окиси и закиси меди или железа.

Двинские мастера умели обесцвечивать стекло, но не всегда им удавалось получить чистую бесцветную фактуру, обычно остаются слабые оттенки желтого, голубого и зеленого.

Очевидно, сырьевая база во все времена существования двинского стеклоделия была общая и, судя по массовости продукции, недорогая.

По некоторым образцам мы видим, что двинские стеклоделы уже знали прием обес-

цвечивания стекла марганцем. Это видно по некоторым не вполне обесцвеченным образцам, где заметны слабые марганцевые прожилки, но марганец, очевидно, принадлежал к той категории сырья, которую приходилось привозить издалека.

Он использовался для изготовления довольно редких стеклянных изделий красного марганцевого цвета. Стекло такого цвета использовалось и для нитей и точек, украшавших бесцветные сосуды.

Все виды стеклянных изделий можно разделить на группы, положив в основу, с одной стороны, их назначение, а с другой—технику изготовления. По назначению стеклянные сосуды можно разделить на бытовую посуду и посуду технического употребления. Кроме того, как уже было сказано, из стекла делали украшения: бусы, браслеты, перстни. Его употребляли и в архитектуре: (мозаика и оконное стекло).

Стекло принадлежит к числу тех материалов, которые легко допускают самые разнообразные способы обработки. При высокой температуре его можно выдувать, отливать, прессовать, штамповать. При более низкой температуре оно становится тягучим, его можно вытягивать. Из него можно получать толстые и тонкие нити. В холодном состоянии его можно резать, шлифовать, полировать.

Технологические приемы изготовления стеклянной посуды очень разнообразны. Самым распространенным и совершенным способом изготовления стеклянных сосудов было свободное дутье. Этот способ был изобретен стеклодувами в начале нашего летосчисления и с небольшими усовершенствованиями применяется в производстве стекла до наших дней. Вариантом этой техники, который применяется для получения более сложных форм и профилей сосудов, является дутье в форму с вращением, позволяющее получить гладкую поверхность и плавную форму.

Другой способ изготовления сосудов сложных очертаний и узорчатой поверхности носит название «тиходутого». В стеклоделении применялись и некоторые приемы, принятые в металлургии—(литье и прессовка).

Украшались сосуды также различными способами: накладными узорами из вытяну-

той стеклянной нити, резьбой, подобно каменным изделиям, штамповкой и гравировкой, как металл, росписью эмалью и золотом, как керамика. Все эти способы и приемы знали и применяли в своем ремесле двинские стеклоделы.

Изучение средневековых стеклянных изделий Двина следует начинать с датировки предметов на основании археологических данных и установления места их изготовления с выделением групп местных двинских и привозных изделий.

При датировке стеклянных предметов в некоторых работах по истории стеклоделия до сих пор господствует метод стилистического анализа, так как большинство коллекций античного и средневекового стекла составлялось из недокументированных купленных предметов. Однако художественно-стилистический анализ, в основе которого лежит сходство форм, часто не учитывает их устойчивость, а между тем раннее стеклоделие отличалось крайней консервативностью.

* * *

В Двине наиболее древняя группа сосудов с резным орнаментом представлена полусферическими чашами и небольшими флаконами. Чаши и некоторые из флаконов украшены шлифованными фасетками, круглыми, овальными или шестигранными. Обломки таких чаш найдены в Двине как в нижних слоях цитадели, так и в центральном квартале города и датируются VI—VII вв., но чаши с фасетками встречаются и в комплексах более позднего времени, относящихся к VIII—IX вв.

Толстостенные чаши со шлифованными фасетками принадлежат к той группе археологических предметов, которые были распространены на широкой территории Азии и Европы и бытовали продолжительное время. При изучении стеклянных шлифованных изделий античных и раннесредневековых памятников Кавказа не раз ставился вопрос о происхождении этих сосудов. Одни считали чаши местными, а другие—привозными из Ирана, Ирака, Египта, Сирии, Малой Азии или даже через Черное море из Европы (Рейнской области).

Среди двинского материала имеются образцы, которые могут удовлетворить оба мнения: фрагменты чаш № 1 и 2 несомненно привозные и имеют свои ближайшие аналогии в Иране и Ираке. Однако основная часть изделий этой группы (1а и др.), отличающаяся от предыдущих образцов своей фактурой стекла, рисунком, техникой исполнения и массивностью формы, имеет ближайшие аналогии среди закавказских памятников (Ацаван, Урбнис, Судогилан, Шемаха и Кабала), что дает основание думать о возможном закавказском центре или центрах производства этого типа стеклянной посуды, существовавшего в течение нескольких веков, с VI по IX вв.

Большое количество стеклянной посуды последующего периода найдено при раскопках центрального квартала Двина. Этот материал, сопровождавшийся аббасидскими монетами (VIII—IX вв.), хорошо датируется временем не позднее конца IX в. В нем различаются следующие четыре группы: образцы бытовой посуды и части осветительных приспособлений (лампадки, светильники, подсвечники). Изготовлены они уже разнообразной техникой и имеют различное качество стекла. Наличие такого многообразного материала позволяет оделать важные наблюдения и, в первую очередь, о сохранении традиций стеклодельного ремесла предшествующего периода.

Изучение материала показывает, что двинские стеклоделы изготавливали полусферические чаши в VIII в. Продолжалось изготовление их и в IX веке, однако в это время бросятся в глаза усовершенствование ремесла, расширение ассортимента форм и способа декорировки.

Среди материала раскопок центрального квартала из слоев IX в. имеются образцы стеклянной посуды, изготовленные тиходутым способом, напоминающие более ранние сосуды со шлифованными фасетками, но на которых, однако, четко отразились моды и традиции IX в. Эти изделия становятся уже характерными для следующего периода развития стеклоделия.

Так, для примера возьмем следующие образцы. Небольшой цилиндрический стакан

из полупрозрачного бесцветного стекла, сохранивший характерную для IX в. форму, качество стекла и характер узора. Мы видим знакомые нам фасетки, но они не круглые, а удлиненной формы и выполнены не шлифовкой, а (в форме) тиходутым способом.

В следующую группу сосудов входят несколько стаканов, чаш, флаконов и кувшинов, изготовленных из одинакового толстого стекла с желтым оттенком, ныне покрытые оливковой патиной. Разнообразные по форме, отличаются от полусферических чаш, угловатыми и массивными формами, стекло их крупнозернистое, полупрозрачное, но не очень толстое (2 мм). На приведенных образцах видно, как двинские стеклоделы приспосабливаются к новым требованиям и новой моде. Кроме чаш появляются уже стаканы, украшенные круглыми фасетками. На примере одного из стаканов видно, что полусферическая чаша принимает форму цилиндрических стаканов с плоским дном, сохранив прежний тип украшения (рис. 4). Второй стакан (№ 36) имеет уже иной, более сложный узор, два ряда резных миндалин, внутри которых помещена та же традиционная шлифованная фасетка. Третий стакан (№ 40) сходен с двумя указанными только по форме, украшен же он сложным орнаментом из вписанных друг в друга ромбов, кружков и завитков. Наряду с украшенными стаканами имеются и цилиндрические стаканы с гладкими стенками, лишенными орнамента (№ 39), и невысокие чаши с прямыми стенками. К ранней группе стеклянных сосудов можно отнести и несколько стаканов с узором, полученным в форме тиходутым способом.

Цилиндрические стаканы с плоским дном были широко распространены в Передней Азии в IX—X вв. Они в большом количестве встречаются в так называемых «аббасидских» мастерских Ирана и Ирака и служили предметами широкой торговли. Находки цилиндрических стаканов передневожточного происхождения известны в различных местах Средней Азии, Северного Кавказа и даже значительно севернее, в частности в Швеции (Бирка). Из толстого бесцветного стекла, которое со временем покрывалось оливковой патиной, двинцы изготавливали также и кувши-

ны, флаконы разных размеров, вазы, чаши. Украшали их различными способами, выше упоминались шлифовка, резьба, формовка. Было принято и одно из древнейших способов украшения стеклянной посуды—нанесение двустороннего узора или орнамента специальными щипцами-штампами или, как их принято называть, «вафельницами». Обычно таким способом можно было украшать сосуды с открытыми краями (№ 33, 100).

Очевидно, группу сосудов из полупрозрачного стекла с бурой патиной можно отнести к продукции местных стеклянных мастерских, которые в IX в. уже умели варить высококачественное стекло, хотя и еще крупнозернистое, но менее толстое, чем раньше. Это было вызвано как ходом развития ремесла, так и растущими потребностями рынка.

В следующую, третью группу нами включено стекло с резным орнаментом, более высокого художественного качества. У сосудов стекло стало лучше, а техника резьбы более совершенна. Очевидно, эти образцы относятся к дорогим и немассовым стеклянным изделиям. Некоторые из сосудов представлены единичными экземплярами, а приводимые отдаленные аналогии не дают удовлетворительного ответа на вопросы о месте их происхождения. Такие стаканы были встречены и при раскопках дворца в Самарре. В некоторой части их местное двинское изготовление не исключается (№ 42, 43, 44).

В двинской коллекции имеются и образцы резьбы неглубокой, но широкой насечкой, которая иногда сочетается с гравировкой, употребляющейся, главным образом, для штриховки и заполнения пустых пространств, как середина листа, ромбики или треугольники. Стаканы изготовлялись дутьем в форму, края их обрезались грубо и, как правило, не обрабатывались.

Несколько иной прием обработки поверхности стекла представляет гранение или огранка. В двинской коллекции такой техникой обработаны один флакон и две горловины флаконов из бесцветного высококачественного стекла (№ 80, 81, 82). Эти флаконы с массивной шейкой с дискообразным или граненым устьем получили широкое распространение. Они встречаются в Самарре, Рее, Фустате, Нишапуре и Средней Азии.

Следует еще отметить маленькие толсто-стенные прямоугольные флаконы, (№ 72, 73, 74) отлитые в форме и дополнительно подвергнутые холодной обработке, широко распространенные по всему Востоку. Они отличаются от описанной группы граненых флаконов более сложными деталями на стенках. Возможно, что в форме, в которой изготавлился флакон, уже заранее были намечены все те детали, которые потом подвергались дополнительной обработке. Небольшие размеры, узкое горло делали их очень удобными для хранения и перевозки душистых масел и благовоний. В Армении такие флаконы найдены, кроме Двина, также в Ани и Амберде.

В коллекции двинских стеклянных изделий выделяется кувшин грушевидной формы (№ 98) на высоком поддоне, с массивной ручкой, украшенной налетом, изготовленный из толстого высококачественного стекла. Туловище сосуда покрыто богатой глубокой резьбой треугольного сечения. Этот способ обработки стекла в более усовершенствованном виде широко распространен в стеклоделии и теперь. Приведенный сосуд привлекает внимание не только своими высокими художественными и техническими качествами, но и несвойственной для стекла формой. Корпус, слив, ручка с налетом, поддон сосуда больше напоминают металлическую, чем стеклянную посуду.

Очень похожий кувшин с таким же узором, но несколько большего размера (выс. 20,5 см) был найден в Нишапуре и хранится в Берлинском музее. Там же имеется еще один подобный сосуд, но с несколько иным рисунком. Ламм датирует его IX в. и местом его происхождения считает Сирию или Иран, указывая, что подобные кувшины были найдены также в Самарре.

При таком ограниченном материале говорить о месте происхождения указанных кувшинов не представляется возможным, но, вероятно, двинский кувшин имеет с нишапурским общее происхождение и одинаковую датировку. Однако надо иметь в виду, что не всегда место находки предмета определяет ее происхождение.

Из всех разнообразных способов резьбы по стеклу самым трудоемким и сложным является рельефная гравировка. Эта техника,

которая происходит из широко распространенной в античности техники камней, получила особую популярность на Ближнем Востоке в IX—XI вв. Одним из основных центров производства рельефно гравированного стекла долгое время считался Ирак. Раннеисламские литературные источники как место их производства часто упоминают Басру и Багдад. Действительно, много образцов этого стекла было обнаружено в Багдаде и Самарре, кроме того они найдены в Иране (Нишапур, Рей) и Египте.

В нашей коллекции имеется одна неглубокая открытая чаша с рельефно гравированным узором (№ 9).

К этой же группе изделий относится чаша из бесцветного стекла с оригинальной формой стенок и ручек (№ 8). Чаша выдута в форме вместе с ручками и сложными рисунками на стенках и на щитках ручек. Орнамент дополнительно обработан резьбой и шлифовкой. Аналогий этой чаше немного, одна из зеленого стекла, украшенная изображением древа жизни и птиц, хранится в Корнингском музее стекла. В каталоге эта чаша отмечена как покупка и определяется иранской резьбой IX—X вв. Другая чаша, также с сегментной формой стенок, но с одной ручкой, лишенной орнамента, хранится в Берлинском музее (предположительно из Сирии или Египта). При изучении указанных двух чаш и кувшина с ручкой обращает внимание их форма, более свойственная металлу, чем керамике или стеклу. Не раз при изучении керамики и стекла исследователи подчеркивали, что при изготовлении стеклянной посуды мастера брали формы изделия из других материалов (керамики, металла) не всегда учитывая специфические его качества и характерные свойства. В середине I тыс. по всему Переднему Востоку была широко распространена посуда из драгоценных металлов и горного хрусталя. Особую славу получило сасанидское серебро, отличающееся разнообразием форм и украшений. Вместе с распространением этих дорогостоящих предметов появляются заменители дорогих материалов. Наряду с золотой и серебряной посудой встречается и менее дорогая бронзовая и керамическая посуда тех же форм. Находится замена и горному хру-

сталу; стеклоделы научились получать стекло, похожее своей прозрачностью на горный хрусталь, которое можно было плавить и отливать в формах, как металл, а украшать резьбой, как камень. Таким образом, получали посуду, похожую на металлическую и на хрустальную, она была более дешевой, но и не менее нарядной.

Если до VI—VII вв. стеклоделы всюду, как правило, придерживались классических пропорций римского стеклоделния, формы которого были установлены после изобретения стеклодувной трубки, то теперь появляются более тяжеловесные сосуды с резкими очертаниями, с плоским дном, со сложными тяжелыми ручками и с характерными для металлической посуды деталями. Стиль и способы декорации тоже в некоторых случаях близки к стилю и декорации металлических предметов. В стекле применяется шлифовка, огранка, чекан. В этом отношении стеклоделие Двина неоригинально и оно отражало общий переднеазиатский стиль стеклоделия IX в. Такое же обилие толстостенного стекла с резным орнаментом встречается и в Самарре, столице арабских халифов Аббасидов IX в., находившейся недалеко от Багдада, в городе, славившемся своим стеклоделием, умевшим подражать горному хрусталу. Экономические и политические связи Самарры и Багдада с Двином были уже давно известны. В Двине найдено большое количество аббасидских монет VIII—IX вв., которые во многих случаях помогают датировать отдельные предметы. Толстостенные стеклянные предметы с резьбой производили также в Иране (Нишапуре, Рее) и Средней Азии, с которыми Двин также был в тесных торговых сношениях.

Сходство форм изделий и продукции определялось экономической связанностью центров Востока, что и определяло общий спрос на рынке. В IX в., когда пошла мода толстостенного стекла с резным орнаментом, основная масса посуды изготовлялась для удовлетворения этого спроса.

Есть еще одна специфическая группа изделий, к которой при нашем, преимущественно типологическом, методе анализа надо быть особенно внимательным. Это повторение местными мастерами импортных образцов.

Таковыми могут быть некоторые из стаканов и одна чаша с куфической надписью (№ 7). Надпись на этой чаше, по заключению А. А. Быкова, несмотря на кажущуюся четкость, не читается, так как, очевидно, шаблон формы для отливки чаши был сделан человеком, который не знал арабского письма, но имел перед собой образец надписи на чаше, по всей вероятности, стеклянной, а возможно, и металлической. Несмотря на то, что на нашем экземпляре первоначальная надпись уже превратилась в орнамент, все же по некоторым еще не совсем утраченным буквам удается установить время и место изготовления оригинала. Надпись сделана шрифтом куфи, распространенным в Северной Месопотамии в IX в.

Чаша, стаканы, кувшины металлические, керамические, стеклянные с арабской надписью разного содержания (благословения, благопожелания радости, счастья, славы, здоровья, афоризмы или поэтические изречения) были в то время очень распространены. По мере распространения спроса несомненно оригинальные и дорогие экземпляры становились объектами копирования и подражания, часто мастера, не зная арабского письма, переписывая надпись, превращали ее в орнамент. Это произошло и на нашей чаше. Возможно, что она, имитируя образец из Северной Месопотамии, была изготовлена армянским мастером в двинской мастерской. Предположение, что двинские мастера копировали привозные стеклянные вещи, подтверждается еще одной находкой. Во дворце католикоса был найден стакан из прозрачного высококачественного стекла конической формы с прямым толстым дном. На дне с наружной стороны была приштампована имитация арабской надписи. Несмотря на четкость изображения, в надписи не читается ни одна буква. Удастся установить только стиль письма — поздний куфи и приблизительное время — IX—X вв. (рис. XIII₃). В таком многонациональном городе, как Двин, наличие вещей с арабскими надписями и подражанием им не должно нас удивлять. Такие предметы нередко были в употреблении и у христианского населения Армении, особенно в среде знати. В частности, нам известна алмандиновая

печать армянского царя Ашота, сына Смбата (IX в.), с надписью, выполненной шрифтом среднего куфи.

Раскопки 1964—1965 гг. в центральном квартале города дали материал, свидетельствующий о том, что в Двине в IX в. варили и изготавливали сосуды и из тонкого прозрачного стекла. Этот материал выделяется в третью группу стеклянных изделий из Центрального квартала Двина. Основная его масса — преимущественно обломки сосудов, обнаруженные в ямах недалеко от дворца католикоса и Кафедрального собора. Реконструкция предметов показывает, что в большинстве это были небольшие открытые чаши (выс. 3—5 см, диаметр верха 6—13 см), преимущественно с гладкой, а иногда и рифленой поверхностью. Некоторые из чаш имеют две или три небольшие петельчатые ручки. Верхний борт чаш обработан несколькими способами с утолщенным или, как принято называть, «отопленным» краем, прямыми или слегка отогнутыми наружу стенками. Как правило, чаши не имеют поддона. Только у немногих чаш имеется небольшая впадина в центре или тонкий кольцевой поддон (рис. VI₁₋₁₁, XI_{1,4,6}).

К этой группе принадлежит двенадцать найденных в Двине воронкообразных шкаликов с оильно откинутыми наружу краями, назначение которых с первого взгляда трудно определить (рис. XI₂). Известно, что еще в римское время были приняты стеклянные светильники и лампы, установленные в металлических гнезда. На мозаиках III—IV вв. и позднее на миниатюрах встречаются изображения ламп двух типов. Один тип — лампы, подвешенные на маленьких ручках (№ 127), получил особое распространение у арабов и является прототипом знаменитых украшенных эмалью и золотом ламп мусульманских мечетей.

Другой тип представлен лампадками, которые вставляли в подставку-обкладку и затем подвешивали к канделябрам или же к очень распространенным в христианских церквях металлическим люстрам-коровам. По всей вероятности, двинские небольшие чаши и были теми лампадами и светильниками, которые вставлялись в металлические подставки. В христианских храмах освещению и различ-

ным световым эффектам придавалось особое значение. Известно, что византийские храмы украшались многочисленными люстрами-хоросами. Этот обычай существовал и в армянской церкви. Армянские средневековые историки при описании церковного интерьера или различных обрядов, связанных с церковной службой, неоднократно отмечали то впечатление, которое производило внутреннее освещение храма. Освещенный купол и особенно центральная люстра символизировали небесный свод.

Армянская царица Катрамиде (начало XI в.) для украшения Кафедрального собора своей столицы Ани не пожалела средств и выписала из Индии дорогую люстру, которая, наряду с серебряным крестом, считалась украшением собора.

При раскопках в Ани храма Гагика (начало XI в.) была найдена бронзовая люстра сложной конструкции: к круглому венцу прикреплялись расположенные в два ряда ободки для 117 шкалижков и лампадок. Лампадки и шкалики были изготовлены из стекла разных цветов и имели различные размеры. Благодаря этому они давали освещение разной интенсивности—одни горели ярким светом, другие мерцали, что создавало определенный световой эффект.

Остатки люстры были найдены также во дворце католикоса в Двине. Она состояла из металлического каркаса с 20-ю круглыми ободками для стеклянных лампадок. Эта люстра не была центральной, а подвешивалась к штанге, выступающей из боковой стенки.

Дворец католикоса и Кафедральный собор в Двине несомненно освещались подобными люстрами, которым, очевидно, и принадлежали описанные стеклянные чаши и лампадки. Стекло у этих чаш тонкое, прозрачное, слегка сине-зеленоватого оттенка, хрупкое.

Следующая, четвертая группа сосудов—кубки-стаканы тюльпанообразной формы с полукруглым дном, без поддона (№ 60—69) (рис. X). Таких кубков известно более 20 экземпляров, причем семь из них изготовлены из прозрачного бесцветного стекла и имеют гладкие стенки, другие семь имеют стенки, украшенные косым рифлением различной интенсивности. Два стакана из темно-желтого

стекла отличаются особенно искусным узором рифленых стенок. Три кубка имеют узор, состоящий из квадратных ячеек, из них два дочерна желтого стекла, а один бесцветный. Несколько кубков из найденных в центральном квартале Двина украшены тонкой накладной нитью.

Четырнадцать из этих кубков найдены аккуратно сложенными в неглубокой яме у стены Кафедрального собора. Условия находок этих сосудов позволяют думать, что они были бережно спрятаны как предметы церковной утвари. В связи с этим уместно указать, что армянские средневековые письменные источники при упоминании различной посуды четко отграничивают культовую посуду от светской, причем стаканы церковного обихода обозначаются даже специальным термином «*սփի*» («ский»). Однако мы не имеем ни описания их формы, ни изображения. По всей вероятности, светская и церковная посуда мало отличались друг от друга и именно это обстоятельство и вызывало запрещение специальными церковными канонами пользование на пирах, церковной утварью. Это же обстоятельство привело к необходимости изготовления церковной посуды нового образца. Новые тюльпанообразные стаканы из тонкого стекла по существу повторяют форму прежних цилиндрических стаканов, которые при новой фактуре стекла получают более плавные формы и линии. Декорировка этих стаканов также отличается от прежних, так как тонкое стекло нельзя резать и шлифовать.

Способ украшения рифлением, употреблявшийся ранее для небольших чаш, стал применяться и для цилиндрических стаканов. Украшали их и накладными стеклянными нитями того же стекла, одной или двумя.

К изделиям двинского производства можно причислить еще одну группу стекла. Это глубокие чаши с вертикальными стенками, в центре которых помещена трубка для закрепления свечи. Стекло этих чаш простое, невысокого качества, со временем покрывшееся густой патиной (рис. V₁₂). В средние века эти светильники-подсвечники из стекла, глины и металла были очень распространены. Они были найдены и в Самарре, и в иранских городах (Рей, Нишапур). Такие светильники

изготавливались как из стекла, так и из глины и металла.

В отличие от предыдущих предметов лампы для свечей встречаются в Двине и в центральном квартале, и на цитадели и получают широкое распространение с VIII и до XIII вв.

Изучение стеклянных изделий, найденных в центральных кварталах Двина, дает основание думать, что хотя до сих пор в Двине и его окрестностях не найдено даже следов стекольной мастерской, однако город в IX в. несомненно имел свои мастерские, где изготавливались разнородные стеклянные предметы. Стеклоделие в Двине было распространенным ремеслом с высоким качеством продукции, отвечающим техническим и эстетическим требованиям своего времени.

IX век для истории Армении был относительно спокойным периодом в политической жизни страны. Город становится центром ремесла и торговли, а число городов увеличивается. О высоком развитии ремесленного производства города свидетельствуют археологические данные, а письменные источники славят двинское ремесло далеко за пределами Армении. Археологические раскопки дали прекрасные коллекции двинских керамических и металлических изделий.

Таким образом, на указанном фоне развития городского ремесла стеклоделие Двина является вполне закономерным. В IX в. этот вид ремесла, сохраняя традиции и некоторые приемы прошлого времени, перенимая мастерство и школу своих предшественников, значительно развил технику, умножил ассортимент форм, разнообразил технику декорации.

Характерной чертой бытовой посуды Двина IX в. являются тяжелые угловатые формы, более свойственные металлу и керамике, чем стеклу. Из одного и того же сорта стекла изготавливались чаши, стаканы, флаконы, кувшины, светильники и многое другое. Разнообразной становится и техника украшения сосудов. Кроме шлифовки появляются резьба, гравировка, огранка, чекан, тиснение. Сосуды изготавливались не только отливкой в гладкие формы, но уже широко применяется выдувание в фигурные формы. Эта новинка была вызвана необходимостью расширяющегося произ-

водства как результат большого спроса продукции, так как этим способом можно было частично заменить дорогостоящую и трудоемкую резьбу по стеклу. Двинские стеклоделы научились варить и более тонкое прозрачное стекло, из которого изготавливали лампы, чаши для люстр. Начинает входить в моду посуда из тонкого стекла. В стеклоделии IX в. мы видим уже зачатки некоторых новых приемов, получивших свое развитие уже в последующее время.

* * *

Временем подъема стеклоделия в Двине следует считать X—XII вв. Долгое время стеклянная посуда являлась преимущественно предметом роскоши и ввиду дороговизны была доступна лишь богатой прослойке города. Красивые стеклянные сосуды украшали дома знати, а особенно изысканные предметы хранились в сокровищницах церквей. Изготовление стеклянных предметов в VIII—IX вв. представляется трудоемким процессом. Однако со временем увеличивается потребность в стеклянной посуде и появляется необходимость более широкого развития стеклоделия. Уже в IX в. стеклоделы резьбу и шлифовку, делавшие посуду дорогой, постепенно заменяли дутьем в форму с узорами. В конце IX и в начале X в. намечались пути расширения и увеличения производства стекла и стеклянной посуды. Этот процесс особенно усилился в последующее время, что стоит в прямой связи с развитием ремесла и окончательным формированием феодального города.

В городах ремесленники становятся профессионалами, стремящимися удовлетворить спрос широких слоев населения, а ремесленное производство в это время уже выходит из узких рамок местного рынка и становится предметом торговли. И если в IX в. преобладает индивидуальный характер изделия по заказу, то теперь, в X в. производство становится более массовым, рассчитанным на широкий рынок. Этот процесс изменения характера ремесла наблюдается во всех его видах.

В металлургии восковые модели, по которым отливался лишь один уникальный предмет, заменяются разъемными формами,

позволяющими изготавливать более дешевую массовую продукцию.

Керамическая посуда IX и начала X вв. производилась как художественная посуда с применением дорогих материалов и большим трудом, затраченным на индивидуальное изготовление предмета. Со второй половины X в. в керамическом производстве четко проявляется тенденция удешевления изделий, глиняная посуда теряет художественную индивидуальность, украшения упрощаются, рисунок выполняется с применением местных недорогих красителей, в обиход гончара входит трафарет и штамп.

От этой тенденции «массового производства» не отстает и стеклоделие. Археологический материал Двина X—XI вв. показывает увеличение производства стеклянной посуды, она становится легкой с округлыми и плавными формами. Свободное дутье делается основной техникой изготовления стеклянной посуды. Вместо резного орнамента широко применяется узор, выполненный тиходутым способом в форме.

Новые формы стали входить в широкий обиход, постепенно оттесняя собой толстостенную тяжелую посуду, в связи с чем возникает необходимость получения нового качества стекла: оно должно было быть легкоплавким, прозрачным и недорогим. Стеклоделы Двина смогли решить эту нелегкую задачу и действительно стекло XI—XII вв. отличается новыми химическими качествами. В образцах этого времени гораздо реже встречаются стекла, подвергающиеся патинизации или иризации.

Те немногие образцы дутого стекла, которые мы имели в IX в., не были характерны для своего времени и, кроме того, были немногочисленны. Они сохранились еще со времен более раннего периода, когда была изобретена стеклодувная трубка и выработаны основные принципы производства стекла. Восточная мода тяжелой посуды металлических форм временно оттеснила легкую стеклянную посуду. Теперь же снова возвратились к ней. Восстанавливая старые формы, двинские мастера в то же время усовершенствовали их. Сосуды и чаши делались большими по размерам, формы их усложнялись введе-

нием профилировки, поддонов и ножек. Флаконы становились стройными с вытянутыми шейками и разнообразными венчиками, ручками и обработкой края. Более подходящим для новых сосудов оказался «тиходутый способ». Если в начале применения этого способа украшения повторяли резной рисунок, то с течением времени характер декорировки меняется и вместо подражания резному орнаменту вводится рифление. Применяя рифление, мастера получали сложные узоры различных сочетаний, линии различной интенсивности и формы: косые, прямые, перекрещивающиеся, сочетающиеся с точками, пунктирами и другими узорами. Этим способом украшались чаши, стаканы, кубки, горловины флаконов.

Другой способ изготовления декоративных сосудов—дутье сосудов в специальные разъемные формы, внутренняя поверхность которой имела различные узоры: круги, эллипсы, многогранники, растительные мотивы и т. д.

В некоторых случаях мастер после выдувания в форму дополнительным свободным дутьем смягчал линии, что давало красивую игру света и тени на поверхности сосуда. Появляются изысканные предметы, как, например, двухцветные чаши (№ 19), нижняя часть которой была светло-желтая, а верхняя марганцево-красная или вторая чаша светло-зеленая внизу и густо-синяя в верхней части.

Наиболее распространенным способом декорировки двинских стеклянных сосудов был накладной узор, состоящий из стеклянных нитей, точек, капель и аппликаций, накладывавшихся на сосуд в горячем состоянии.

Еще в IX в. встречаются кубки, украшенные одной или двумя тонкими стеклянными нитями, расположенными горизонтально или наклонно. В дальнейшем двинские стеклоделы усовершенствовали этот способ и широко им пользовались, особенно в XII—XIII вв., когда круглым обтекаемым формам сосудов больше соответствовал накладной узор. Нити делались разной толщины и разного цвета и накладывались разными способами—прямой линией, одной или несколькими, волнистой линией, зигзагами, жгутом, плетенкой, сочетались нити также с каплями и точками.

Накладным узором украшались чаши,

стаканы, кубки и флаконы. При умении и художественном вкусе мастера этот способ давал большие возможности для эффектного украшения сосудов. Стаканы обычно украшались строже, всего несколькими тонкими нитями и очень редко широкой накладной аппликацией. Накладным узором было удобно украшать флаконы, особенно их горловину, и двинские мастера широко пользовались этим приемом.

Большие декоративные возможности давали сочетание шнуров, полосок, точек, волнистых и ломаных линий.

Особую пышность этот стиль декорировки получает в конце XII и в XIII в., когда почти все сосуды украшаются сочетанием цветных нитей и капель, что делало предмет парадным и пестрым. Мастерство и изобретательность мастера-стеклодела можно видеть на фрагменте верхней части сосуда в виде двух соединенных друг с другом горловин, богато украшенных нитями (№ 95).

Красивое сочетание накладных узоров нитей и точек имеется на двух сосудах (№ 101, 102) и кубке (№ 71).

Немаловажное значение для внешнего вида стеклянного сосуда имело оформление и обработка венчика и дна. Края стеклянных сосудов обрабатывались различными способами. Самый распространенный и простой из них был так называемый «отопленный» край, когда после отделения сосуда от трубки по его краю проводили горячим металлом и получали гладкий чуть утолщенный край. Вторым способом заключался в отгибе края, а третий, наиболее редкий—в оформлении венчика приваренной нитью, иногда цветной. Гораздо сложнее была обработка края или венчика у флаконов, где надо было одновременно придать верхнему краю какую-либо специальную форму.

Дно стеклянных сосудов оформлялось по-разному: плоским и округлым в большинстве случаев, вдавленным вовнутрь, что делалось для устойчивости и прочности сосуда. В других случаях к сосудам прикреплялись поддоны и ножки, кольцевые или в форме чашек, сделанные из отдельного куска стекла или же путем вытягивания донца сосудов. Наиболее распространенным в Двине был кольцевой

поддон, сформованный из отдельных полосок стекла различной ширины и толщины, украшенных иногда насечками или зацепками. Гораздо сложнее было изготовление высоких ножек и дискообразных поддонов.

Некоторые сосуды, преимущественно флаконы, кувшины и чаши, по мере необходимости снабжались ручками (рис. XX), что зависело от формы и назначения сосуда. Чаши, предназначенные для подвешивания к люстрам, имели две или три маленькие петлеобразные ручки, а на флаконах и кувшинах они делались более массивными.

В коллекции двинских стеклянных изделий преобладает простая неукрашенная посуда, которая была наиболее дешевой и поэтому наиболее распространенной.

Коллекция располагает значительным ассортиментом посуды домашнего обихода, в число столовой посуды входят чаши, стаканы, бокалы, кувшины, графины, фляги, сосуды для пищевых продуктов. Некоторые сосуды употреблялись для хранения лекарственных веществ, косметических составов, благовонных масел, мазей, снадобий и т. д. Из стекла изготавливались также части осветительных приборов: чаши и шкалики для люстр, канделябров, светильники и подсвечники. Материал этой группы встречается во всех слоях Двина, но особенно он обилен в жилищах цитадели XII—XIII вв. Стеклянные сосуды применялись и так называемыми «алхимиками». Алхимия была одна из распространенных наук в средневековой Армении. Как видно из дошедших до нас алхимических трактатов, были известны способы получения самых различных лекарств, снадобий, красок и сплавов. Своими рецептами и практическими советами алхимики помогали совершенствованию технологии различных ремесел. Они были сведущи и в тонкостях ювелирного дела, металлургии, а также стекловарения. Для осуществления всего этого необходимо было специальное оборудование лаборатории, и в первую очередь аппаратура. Рукописи сохранили подробные описания некоторых предметов, которые были необходимы для работы, и среди них немалое место занимает стеклянная посуда. В двинской коллекции имеются сосуды, применение и назначение которых связано

именно с алхимией. Это небольшие сосуды, так называемые «аламбики» двух типов, изготовленные из тонкого прозрачного стекла.

Первый тип аламбиков сложной формы представлен двумя целыми и одним неполным образцами (№ 123, 124). Алхимические армянские трактаты упоминают несколько разновидностей аламбиков, или «ламбиков». В рукописи № 2527 в главе «О видах и формах посуды» пишется «...сосуды, называемые «ламбик» бывают четырех видов: аламбики с клювом, аламбики с откинутой трубкой, аламбики, имеющие узкую и длинную трубку, и аламбики с куполообразной «тыквой».

В некоторых рукописях имеется очень схематичное и грубое, но вполне понятное изображение этих сосудов. В описаниях и изображениях армянских рукописей нетрудно узнать наши сосуды первой группы.

В других описаниях аламбики показаны как часть дистилляционного аппарата. Причем армянским алхимикам были известны несколько типов этого аппарата разной сложности конструкции. В одном случае мы имеем точное описание наших аламбиков с подробным объяснением функции каждой его части: «сосуд этот носит название изолятора-очистителя. Край изолятора изогнуты вовнутрь, дабы принимать и задерживать влагу, образующуюся от тепла поднимающегося к потолку изолятора. От этого изогнутого края отходит носик и направляется вниз, через этот носик спускается вода и воду эту я собирал в стеклянный сосуд. Прибор этот устроен так, как сосуд для приготовления розовой воды». Армянские алхимические рукописи сохранились только от XVII—XVIII вв., с указанием на то, что они были переписаны с рукописей XIII в. Однако археологический материал свидетельствует о том, что аламбики в Армении существовали и раньше, уже в X—XI вв.

Второй тип аламбика имеет более простую конструкцию, это маленькие стаканчики (11 см высоты) с круглым дном и узким хоботком, направленным вниз от венчика сосуда (№ 125, 126).

Территориальные и хронологические рамки описанных аламбиков также велики. Они встречаются в археологических комплексах

Египта, Ирака, Ирана, Средней Азии начиная с VI в., но чаще всего в IX—XIII вв.

Эти аламбики имели различные функции и, очевидно, были предметами, необходимыми в лаборатории алхимика. Они могли служить для наполнения жидкостей в сосуды с узкими горловыми отверстиями. На одной багдадской миниатюре XIII в. изображен такой аламбик как прибор для кровопускания.

Следующий сосуд, который мы причисляем к категории химико-лабораторной посуды, это бутылка (высота 22 см) из прозрачного с зеленоватым оттенком стекла. Горловина бутылки у основания имеет сферическое утолщение, а резервуар в средней части с внутренней стороны — неширокую складку, идущую по всей окружности (№ 122).

Внутренняя складка, полученная, по всей вероятности, с большим трудом, не могла быть случайной. Она несомненно имеет свое функциональное назначение. По всей вероятности, бутылки такой конструкции служили для декантации, т. е. сцеживания жидкости с оставленным в сосуде осадка. Складка внутри сосуда и сферическое расширение в горловине могли служить для задержки осадка при сливании жидкости.

К числу лабораторной посуды алхимика можно причислить также стеклянные образцы сфероконических сосудов, хорошо известных по керамическим образцам (№ 103, 107).

В разных частях цитадели города были найдены небольшие плоские обломки с отогнутыми вовнутрь краями. При внимательном осмотре оказалось, что это фрагменты стеклянных дисков. Подсчет дуги сегментов дал размеры пяти дисков диаметром 18, 20, 21, 22, 27 см. Стекло четырех из них прозрачное, бесцветное, одно марганцево-красного цвета. Эти диски утолщены в центре (от 3—5 мм) и тонкие по краям (1 мм). Очевидно, мы имеем дело с оконными стеклами — шайбами. Остатки оконного стекла в виде плоских пластинок, окрашенных, с одной стороны, красной краской, были найдены в Армении и при раскопках дворца Гарнийской крепости в слое III в. В IX—X вв. оконное стекло широко употребляется в Египте (мечеть Ибн Тулуна в Каире, IX в.), Самарре (IX в.), в Средней Азии (Аф-

раснаб, Ниса, Хорезм). Это были кусочки листового стекла, вставленные в узорчатые ячейки, гипсовые или деревянные решетчатые рамы, так как стеклоделы еще не умели получать большие листы стекла.

Два фрагмента плоского толстого стекла были найдены при раскопках Кафедрального собора, первый—треугольной формы марганцево-красного стекла, второй светло-зеленого стекла.

В Ани и Двине были найдены алебастровые рамы с узорчатыми ячейками для стекла. Историк X в. Тома Арцруни, описывая дворец Гагика на острове Ахтамар (оз. Ван), пишет о том впечатлении, которое производили застекленные окна дворца, которые при восходе и закате солнца сверкали на глади озера и отражали сказочный свет. К сожалению, дворец не сохранился и о нем мы узнали только по описанию историка.

Круглые шайбы-диски появились позднее, их вставляли в деревянные рамы оконницы по одной или несколько штук. Одноэтажные дома, как правило, имели крышу на четырех столбах с верхним освещением, а дома в два или больше этажей, так же как и церкви, уже не могли обойтись без бокового света. Все фрагменты пяти оконных шайб Двина были найдены на цитадели в жилых помещениях. Фрагменты самой большой по диаметру шайбы (27 см) происходят из дома на нижнем склоне цитадели, отличавшемся большим своеобразием. Он был сложен из обожженного кирпича и имел кирпичный пол. Очевидно, в этом случае мы имеем дело с домом богатого горожанина.

Все фрагменты оконных шайб находились в слое XII—XIII вв., датированном монетами грузинских царей Георгия III и царицы Тамары. Там, где было налаженное производство стеклянной посуды, естественно, могли изготавливаться и оконные шайбы, тем более, что стекло оконных шайб из Двина невысокого качества и похоже на то, из которого изготовлена основная бытовая посуда.

В архитектуре использование стекла не ограничивалось только оконным стеклом.

При раскопках Кафедрального собора в 1938 г. и в ямах недалеко от него в 1964 и 1965 гг. были найдены небольшие квадратные

кубики от мозаики из глухого стекла-смальты (размеры 3×6×6 мм, 3×8×6 мм, 7×6×5 мм) частью серо-зеленого цвета, частью бесцветные с золотой фольгой. Мозаичные стеклянные кубики в 1938 г. были найдены в развале стены вместе с естественными разноцветными камешками, которые также применялись для мозаики. В 1951 г. на полу Кафедрального собора удалось обнаружить небольшие остатки мозаичного пола, имеющего геометрический узор, составленный из камней пяти цветов (красный, кофейный, зеленый, желтый, белый). Этот мозаичный пол датируется, вероятно, V—VI вв., так как при последующей перестройке собора в VII в. часть пола оказалась уже под пилоном.

О существовании в Армении мозаики из естественных камней было известно. Еще в античной бане III в. в Гарни был открыт пол со сложным мозаичным рисунком. Однако мозаика из стеклянных кубиков, заменивших естественные камни, а в некоторых случаях дополняющих цветовую гамму в армянском средневековье, очевидно, появляется только в VII веке.

Стеклянными мозаичными кубиками были украшены полы храма Звартноц у Вагаршата (VII в.). Х. Дадьян в отчете о своей работе в Двине в 1907 г. сообщает, что при раскопках восточной апсиды собора им были обнаружены мозаичный пол и изображение Богоматери. В начале VII в. Кафедральный собор Двина был перестроен марзпаном Смбатом Багратуни, не жалевшим на это дело, по сведениям современников, средств. Именно тогда собор, очевидно, и был украшен мозаикой по образцу византийских храмов. В этом случае уже нельзя было ограничиться только цветной гаммой естественных камней, требовалось большое разнообразие в цвете, что можно было получить при смальтовой мозаике. Стекло для мозаики могло привозиться и издалека в виде плиток или обрезков, но варка глухого стекла для мозаики представляет собой относительно несложный процесс и существующие в Двине стекольные мастерские, при необходимости, вполне могли справиться и с этим делом.

В Двине из стекла делали также украшения, а именно, браслеты, кольца, бусы. Наи-

более часто встречаются браслеты, характеризующиеся разнообразием форм, яркостью и пестротой отделки. Они бывают гладкие, крученые, витые из разноцветных жгутов, уплощенные с мозаичным рисунком или расписные, в сечении круглые, треугольные, овальные, полукруглые.

Концы браслетов оформляются по-разному: или они соединены и тщательно заглажены, или оформлялись в виде змеиной головы, или же просто уплощались. Характерным цветом для двинских браслетов является зеленый, синий и черный, редко бирюзовый. Кроме браслетов встречаются и подвески—кольца, отличающиеся от браслетов только своими меньшими размерами.

Браслеты встречаются преимущественно в слоях X—XIII вв., но не имеют такой четкой и характерной картины, как в Новгороде, где наличием определенных браслетов можно датировать отдельные ярусы.

Значительно реже, чем браслеты, в Двине встречаются стеклянные перстни, их найдено всего три штуки. Сделаны они из черного стекла.

При раскопках Двина в значительном количестве встречены бусы из стеклянной пасты и стекла, гладкие, инкрустированные, мозаичные. Часть их изготовлялась в местных мастерских, но некоторые несомненно привозились из соседних стран. Это вполне понятно, так как бусы были предметом широкой торговли.

Стеклянные изделия Двина X—XIII вв. характеризуются тонким, среднего качества стеклом, прозрачным, бесцветным или различной интенсивности зеленого или желтого цвета. Эти два цвета, обусловленные исходным сырьем стеклянной массы, можно считать основными для стеклянных мастерских Двина. Внимательное и детальное изучение образцов стеклянных изделий, их технологические особенности в деталях и стиле приводят к заключению, что в Двине имелось несколько стеклоделательных мастерских.

Сравнение отдельных групп изделий дает возможность в некоторых случаях даже определить характерные черты стеклоделия и говорить о локальных особенностях отдельных мастерских. Так, например, среди всей массы

посуды выделяется группа сосудов разных форм—флаконы (инв. № 2046—159, 2048, 229, 1947—143, 1617—202, 2121—272) (№ 88, 89, 90), чаши (№ 23) и стаканы (инв. № 2048—403, 400) с синей приваренной нитью на венчике. Эти сосуды были найдены в разных местах города. Кроме характерной синей нити на их венчиках, они все изготовлены не только из стекла одного цвета, но и одного качества, имеющего мутно-молочную иризацию и мелкие трещины. Как известно, устойчивость и сохранность стекла зависели от его химического состава и варки. Несомненно, все эти сосуды были изготовлены в одинаковых условиях, т. е. в одной мастерской. К изделиям одного мастера или одной мастерской очевидно принадлежат кувшины (№ 101, 102), стаканы (№ 59), кубок (№ 71) из бесцветного стекла, украшенные марганцевыми и бирюзовыми нитями и каплями. Также объединяются в особую группу небольшие черные и темно-зеленые чаши с накладными фестончатыми поясками (№ 31, 32). В другую группу входят узкие стаканы цилиндрической формы, которые были изготовлены из одинакового стекла очень хорошего качества (№ 45, 46, 47, 54, 55, 56, 57). Таких групп стеклянных изделий с индивидуальными особенностями мастерских можно насчитать несколько. Они имели свою характерную манеру декорации деталей, варки стекла. Для одной мастерской характерно было стекло с сине-зеленым оттенком, для другой—желтым. Одни любили украшать свои сосуды нитями синего стекла, другие—бесцветного.

Как правило, двинские стеклоделы не ставили свои метки на изделиях и принадлежность к определенной мастерской определялась по характерным излюбленным формам, деталям и способу украшения.

Однако нет правил без исключения. В нашем собрании имеются четыре фрагмента от стеклянных предметов в виде небольших медальонов из бесцветного стекла, один круглый (№ 120), другие три формы овального листа (№ 121). Все они были деталями ручек. Круглый медальон прикреплялся в верхней части большой ручки сосуда, а овальные медальоны в нижней части сосуда на стыке ручки с туловом. На медальонах имеются

штампованные арабские надписи, сделанные еще в неостывшем состоянии стекла. На двух овальных читается: «Сделал его Али, сын Абдаллаха». Эта надпись несомненно является штампом мастера-стеклодела.

Ни арабская надпись, ни нехристианское имя мастера не должны смутить исследователей такого многонационального города, как Двин. В городе, где рядом с армянами жили греки, арабы и другие арабоязычные народы, где, по свидетельству современников, никого не смущало то обстоятельство, что христианская церковь и мусульманская мечеть стояли рядом, имя мастера-стеклодела Али, сына Абдаллаха, написанное по-арабски, не должно нас удивлять.

В связи с этим надо упомянуть и другой круглый медальон, на котором также имеется штамп с надписью, которая, однако, несмотря на кажущуюся четкость изображения букв, не читается. Возможно, что в этом случае мы имеем дело с распространенным в то время явлением имитации арабской надписи.

В 1967 г. в одном из помещений цитадели города были найдены фрагменты чаши из прозрачного зеленого стекла, расписанные коричневой эмалью. По верхнему борту чаши, нижняя половина которой не сохранилась, помещен фриз из арабских букв, которые, несмотря на четкость изображения, не читаются. Ниже фриза чаша украшена геометрическим узором. Недалеко от места находки указанного фрагмента в 1967 г. был найден второй фрагмент небольшой чаши из такого же прозрачного зеленого стекла и также с остатками сделанной надписи коричневой эмалью (№ 70).

Имеется еще один фрагмент сосуда из прозрачного зеленого стекла с росписью коричневой эмалью, состоящей из кругов с желтой сердцевинкой посередине. По фактуре стекла все эти фрагменты принадлежат к основной группе стеклянных предметов двинского производства.

Техника росписи стекла эмалью входит в моду в Передней Азии в X в. и получает широкое распространение в XI—XIII вв. в византийских и сирийских стекольных мастерских, где стали успешно сочетать известный еще в античности египетский способ росписи

золотом с сирийской традицией эмалевых рисунков. При усовершенствовании этой техники в течение двух столетий появляются отдельные школы со своими специфическими чертами и особенностями художественного стиля. В некоторых случаях роспись стеклянной посуды поднимается на высоту художественного произведения. Отличительной чертой этих школ и направлений являются не их форма и материал, а художественный стиль и техника их декорации, сочетание в росписи эмали и золота. Наши же фрагменты по стилю росписи арабских букв напоминают росписи Раккской школы, славившейся своими тонкими керамическими и стеклянными изделиями.

Четкое изображение нечитаемой арабской надписи в виде фриза в верхней части чаши, повторение одного и того же изображения группы букв как на фрагментах большой чаши, так и на маленьком фрагменте, сходство стиля письма и цвета эмали приводит нас к мысли, что эти сосуды были расписаны в одной мастерской. Сходство фактуры стекла со стеклом двинских чаш позволяет предположить, что эта мастерская могла быть и в Двине и что мастера ее были знакомы с раккским стеклом, а может быть были даже выходцами из Ракки, города на севере Сирии, который имел тесные торгово-культурные связи с Двином.

Мастерские, где расписывали стекло, часто существовали самостоятельно, независимо от мастерских стекла, откуда они получали готовую продукцию. Такие художественные мастерские были известны в Алеппо и Дамаске. В греческом городе Коринфе были открыты одновременно две стеклоделательные мастерские, обе они существовали с XI в. до середины XII в. В одной мастерской изготовлялась различная посуда и стеклянная глазурь для керамики, а в другой—расписывались сосуды.

Двинские стеклоделательные мастерские, так же как и в других странах, не могли возникнуть и развиваться без влияния и подражания стилю и мастерства стеклодельного ремесла других соседних стран. Двинские стеклоделательные мастерские довольно четко отражают то влияние, которое оказывали на

них стеклоделы соседних стран. Немалую роль в этом играла и историческая ситуация. Так, в IX в., когда наладились тесные политические связи между Арменией и Ираном, когда Армения фактически была провинцией Ирана и столица Аббасидов Самарра часто диктовала свою волю Двину, мы видим яркую картину взаимных торгово-ремесленных сношений. Так, образцы стекла дают нам аналогии с материалом Самарры, Нишапура, Рея. Даже образцы местного производства подражают именно им. Та же картина наблюдается и в керамике.

Позже, в X—XI вв., когда меняется историческая обстановка и восстанавливаются торговые и экономические отношения с Византией, Сирией и городами Восточного Средиземноморья, резко меняется характер стекольного производства и появляется легкое дутье в сложную фигурную форму, или широко распространяется прием украшения накладными нитями, которые характерны для сирийских стекольных мастерских.

* * *

Однако было бы ошибкой думать, что в таком большом торговом городе, как Двин, его жители употребляли только местную посуду. Двинцы вели широкую торговлю, сами ездили в далекие края, принимали торговцев из различных стран и на двинском рынке шел широкий товарообмен между ними.

Несомненно, богатая прослойка горожан, духовная и городская знать покупали и употребляли стеклянную посуду прославленных мастерских Ирана, Ирака, Сирии, Византии, Грузии.

Изучение образцов привозной посуды двинской коллекции дает нам ту же картину торговых связей, которую устанавливают письменные источники и данные нумизматики.

В VIII—IX вв. Двин находился в оживленных торговых сношениях с Арабским халифатом, в основном со странами, которые были подчинены Аббасидам, в первую очередь с Ираком и Ираном. Как мы видели, наряду с аббасидскими монетами VIII—IX вв. в Двине были найдены и образцы стеклянных вещей, изготовленных в Иране и Ираке. От стеклянных сосудов с резным орнаментом,

изготовленных в двинских мастерских, эти сосуды резко отличаются фактурой стекла и некоторыми техническими особенностями.

В нашей коллекции такими образцами могли быть чаша с рельефной резьбой (№ 9), чаша с сегментными стенками (№ 8), грушевидный сосуд с глубокой резьбой (№ 98) и некоторые из стаканов, также украшенных резным орнаментом.

В X—XI вв. по ряду политических и экономических причин торговые связи Армении меняют свое направление. Усиливаются связи с Западом, Византией и с Восточным побережьем Средиземноморья.

Яркую картину торговых отношений дают монетные находки. В Двине часто встречаются золотые византийские монеты. Все византийские монеты, обнаруженные в Двине, относятся к чекану Константинополя. Это обстоятельство отражают и образцы стекла.

В Двине найдены первоклассные и уникальные образцы византийского стекла, представляющие исключительный интерес для изучения не только торговых отношений Двина в XI в., но и для изучения византийского стеклоделия (№ 83, 113).

Особое внимание привлекает сосуд из тонкого синего стекла, расписанный золотом и разноцветной эмалью, принадлежащей этой группе (№ 83).

Он является одним из немногих предметов, на котором нашли яркое отражение техника и стиль византийских столичных мастерских XI в. Его значение определяется также и сюжетными изображениями. В одном из медальонов помещена фигура сидящего человека, играющего на скрипке, приставленной к подбородку музыканта. Это изображение является древнейшим изображением скрипкифидели в горизонтальном положении, манера, характерная для западных музыкантов, тогда как на Востоке на смычковых инструментах играли, держа их вертикально.

В Двине найдены и первоклассные образцы более ранних византийских стекол, как, например, мозаичная чаша (№ 10), которую можно датировать также IX—X вв. Она была найдена вместе с византийскими монетами X—XI вв. и с сосудом из тонкого синего стекла, украшенного белыми эмалевыми лунками

(№ 113). Относительно византийских стеклянных сосудов в Армении имеется одно интересное свидетельство историка Х в. Иоанна Драсханакертци. Он рассказывает, что царь Смбат Багратуни (830—914) арабскому полководцу Юсуфу подарил в числе других даров «кубок и стакан—творение византийских мастеров из цветного стекла, расписанного золотом». Однако двинцы получали расписное стекло не только из византийских мастерских. Монетные находки свидетельствуют об оживленных торговых сношениях с сирийскими городами.

По характеру стиля росписи и композиции рисунка, насколько это возможно судить по сохранившимся обломкам, к раккскому производству следует отнести фрагменты стакана (№ 52), а возможно, и туалетную коробочку с массивной крышкой из бесцветного глухого стекла (№ 119). Позднее, в XII—XIII вв. расписной стеклянной посудой стали славиться Алеппо и Дамаск. В этих мастерских уже изготовляли более нарядные и богато украшенные сосуды с большим количеством золота и с обязательным включением куфической арабской надписи. Фрагменты сосудов этих знаменитых мастерских также найдены при раскопках в Двине (№ 53, 5, 7). Несколько обломков, представляющих собой дно сосудов, имеют рисунки, составлен-

ные из разноцветных эмалей и сверху покрытые слоем бесцветного стекла (№ 34). Они имеют близкие аналогии в материалах из раскопок грузинского города Орбети, где была открыта стеклодельная мастерская (раскопки Н. Н. Угрелидзе, материал еще не опубликован).

Связи Двина с Грузией в конце XII и в начале XIII вв., как политические, так и экономические, были самыми тесными. Хотя это время частых войн с сельджукскими эмирами нельзя считать временем, благоприятным для торговли, она все же была оживленной и, очевидно, взаимной. На это указывает значительный приток в Двин грузинских монет Тамары (1184—1213) и Русуданы (1223—1247).

На материале стеклянных изделий, обнаруженных при раскопках Двина, четко вырисовывается характер ремесла и торговли средневекового города. Общий подъем производительных сил, сочетающийся с широкой торговлей, обусловил быстрое развитие местного стеклодельного ремесла, использовавшего старые традиции и достижения стеклоделия тех стран, с которыми Армения имела сношения. Стеклянные изделия прочно вошли в быт горожан. Это привело к тому, что характер стеклянных изделий, при наличии определенных локальных особенностей, был общим для многих стран средневекового Востока.